

Мечты, которым не довелось сбыться

Дневники Мравинского не востребованы, на доме Козловского нет памятной доски

Надежда Кожевникова
Колорадо, США

Я позвонила в Санкт-Петербург Александре Михайловне Вавилиной, вдове великого дирижера Мравинского, в связи с тем, что готовлю новую книгу «Записки иностранки», куда войдет цикл работ о наших выдающихся музыкантах, в том числе и о Евгении Александровиче Мравинском. Хотела узнать, смогу ли получить те уникальные фотографии, которые Александра Михайловна мне давала при публикации моего очерка в газете «Советская культура», а также выяснить, где и когда были изданы дневники Мравинского: отрывки из них в тогдaшнем своем материале я использовала.

Могила Мравинского дважды подверглась надругательству

То, что эти драгоценные записи за прошедшие десять лет так и не будут обнародованы и все попытки к их изданию упрутся в стену, мне в голову не приходило. Когда я их читала, разбирала почерк Евгения Александровича, представляла: какой подарок ждет его почитателей, какой явится вклад в сокровищницу отечественной – да и мировой – культуры.

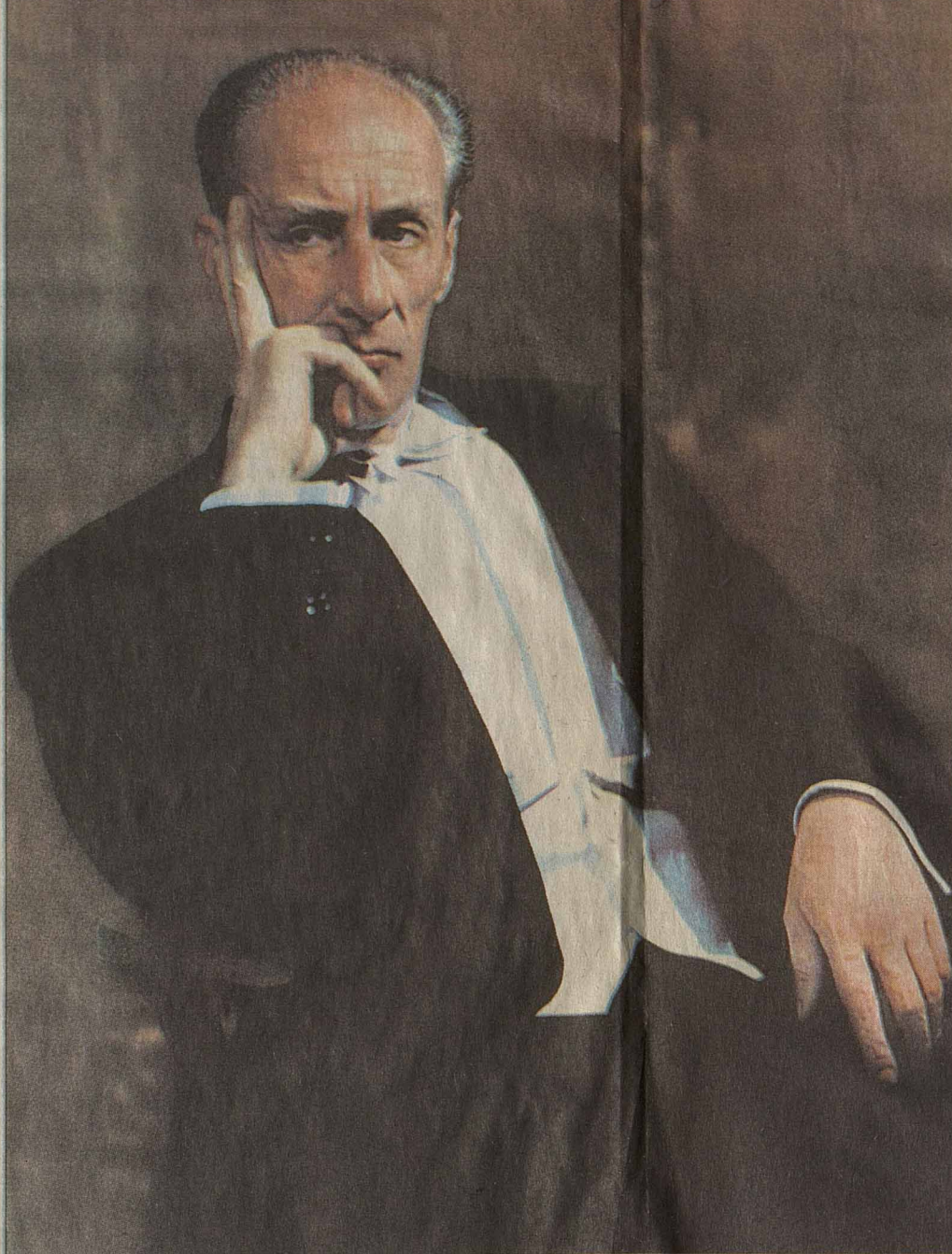
Так вот, дневники, как выяснилось, остались пока в папках. И к предстоящему юбилею, столетию музыканта (2003 г.) интереса пока не возникло: гробовая

тишина. И еще: могила его на Богословском кладбище дважды подверглась надругательству. Вандализм соблазнила бронза в ажурной композиции с распятием Христа. Мравинский был глубоко верующим человеком. Вдова, чтобы поставить надгробие, продала самое дорогое: свой инструмент, флейту.

Помню, после командировки в Ленинград (город еще так назывался), хотя материал был уже запланирован, завизирован главным редактором, я с тревогой поглядывала на телефон. Как было обещано, послала Александре Михайловне текст, и с первым чтением обошлось. Но она стала его изучать, вгрызаться, искать огрехи, и, что совсем худо, не мои, а свои: сболтнула-де лишнее. Уберите, говорила, про мое увольнение из оркестра,

это мелочь, к главной теме, Мравинскому, отношения не имеет. Хотя получила она сообщение об увольнении в день годовщины смерти мужа, после концерта, посвященного его памяти. Про флейту, проданную, чтобы заказать памятник, тоже запретила упоминать. И сейчас, предвижу, рассердится за разглашение сведений, которые я уже не от нее получила: прослужившая столько лет в прославленном оркестре, замечательный педагог, она, Александра Михайловна, существует на пенсию в семьсот девяносто два рубля, то

Независимая газ. - 2001 - 26 дек. - с. 12.

Один из выдающихся музыкантов XX века дирижер Евгений Мравинский.

есть, по курсу, на 27 долларов в месяц. Между тем и здесь, в США, по телевизору рекламируются компакт-диски классической музыки, и циклы записей Мравинского присутствуют в этом золотом фонде постоянно. Понимаю, детский вопрос, но все-таки: куда эти средства идут, в чей карман, в то время, когда вдова дирижера бедствует? Или это тоже «мелочь»?

В начале 90-х, когда я собирала материал для статей о Голованове, Оборине, Гилельсе, Когане, Юрлове, Кондрашине, в судьбе каждого открывалась драма. Ветия гласности позволили определить ее истоки: всех их душил, калечил режим. Мравинский же по своему рождению, происхождению был обречен изначально. Чудом уцелел, но всю жизнь чувствовал на себе мету чужого...

Теперь вот думаю: мы ведь ждали перемен, в них верили, и такие настроения, обнадеженность остались в тех моих текстах. Оказалось – мечты, сбыться которым не довелось. Те же безразличия к личности, к человеческой жизни, безнаказанность в осквернении святынь...

В Москве, в Брюсовском переулке, фасады домов сплошь увешаны памятными досками в честь выдающихся деятелей культуры, там живших. Практически все они водружены были при советской власти. А вот Ивану Семеновичу Козловскому не повезло: он, долгожитель, ушел в другие уже времена, и некому, кроме родственников, заботиться об увековечивании его памяти на доме, где и я когда-то бывала. Найдут средства – пожалуйста, препятствий не возникнет. А если средств нет? От-

куда им взяться, если, когда Козловский на сцену выходил, тогдашняя власть присваивала львиную долю его гонораров.

Вспомнив про одно ведомство, решила туда позвонить – в российское Министерство культуры.

Не хотелось бы показаться наивной, хотя и наивность бывает годна как уловка, подхлест хотя бы самой себя к действию – ну, да, понимаю, – не сулящему результатов. Поэтому, что называется, не охолонув, после звонка в Санкт-Петербург набрала номер приемной министра культуры. То, что меня с ним не соединят, догадывалась. Обещание секретаря, что доложат и, если он выкажет интерес, сами перезвонят сюда, в США, оценила трезво: не дождусь никогда.

Напомнила о себе еще раз, сама над собой надсмехаясь: чего лезу! Не сплю, жду, когда там, за океаном, начнется рабочий день, а секретарь опять скажет: министр занят, у него совещание, он в командировке. Так и было. Но я все же добила – беседа с высокопоставленным чиновником.

И окунулась туда, в прошлое. Тебя как в зыбучий песок засасывает. Не называю собеседника, так как в его лице воскресли предшественники, с которыми раньше приходилось общаться. И позиции прежними остались: мой напор раздражал еще тем, что корысть мою личную распознать почему-то не удавалось. Где она, в чем? А без этого как же? И еще ведь из Штатов звонит.

Тут чиновника, видимо, и осенило: «Если помощь придет из Америки, – услышала, – это кстати бы было для наших про-

ектов». – «Что?» – Я не поверила своим ушам. Он помедлил, не то чтобы смутившись, а желая, не без усилий, дать свои разъяснения поотчетливее. «Ну... соотечественники за рубежом, наверное, могли бы собрать какие-то средства. Вот вы говорите, памятник, а возможен и фестиваль к юбилею».

До того он изъяснялся, употребляя местоимение «мы»: мы, Министерство культуры, мы, должностные лица, наши полномочия, наша ответственность... Ну, я и ответила ему в том же ключе: «Вы – вы! – всех нас обманули, обобрали и еще смеете что-то просить?!»

Пауза. Через тысячи километров донеслось, как он там, у себя в кабинете, заметался. Но скорее и я, и мой собеседник поддались, как дурману, прошлым стереотипам. Положит он трубку, и наваждение рассеется: «Что это я? Подумаешь, позвонила какая-то, не беда, если и напишет, все они пишут, а что с того?»

Да, прав. Российские журналисты, да и читатели, знают, успели привыкнуть, что свобода прессы у нас обернулась полной потерей влияния. Разоблачения? Да никто ничего уже не боится. И тем более не стесняется.

Впрочем, я нашла способ отряхнуться от наваждения. Вспомнила, что в российской действительности чиновник был и есть призрак, миф, и только когда мы перед ним пасуем, он обретает плоть, реальность. Порождение наших страхов, неуверенности в себе – вот что такое отечественное чиновничество. Их сила – именно в нашей слабости. И надо их трясти, доставлять, выводить из спячки. ■